

М. ПРИШВИН

БЕРЕСТЯНАЯ
ТРУБОЧКА

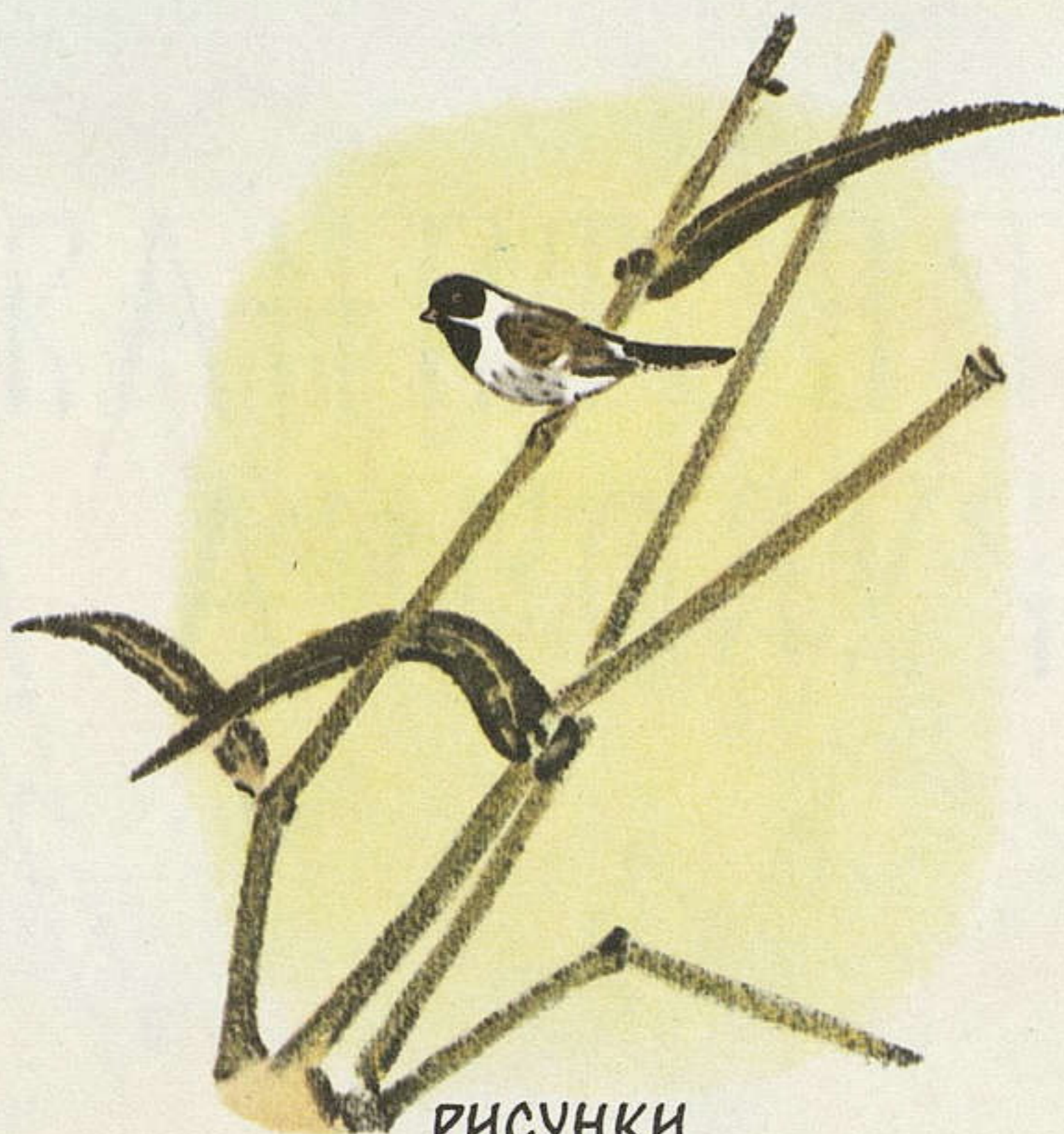
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1983

М. ПРИШВИН

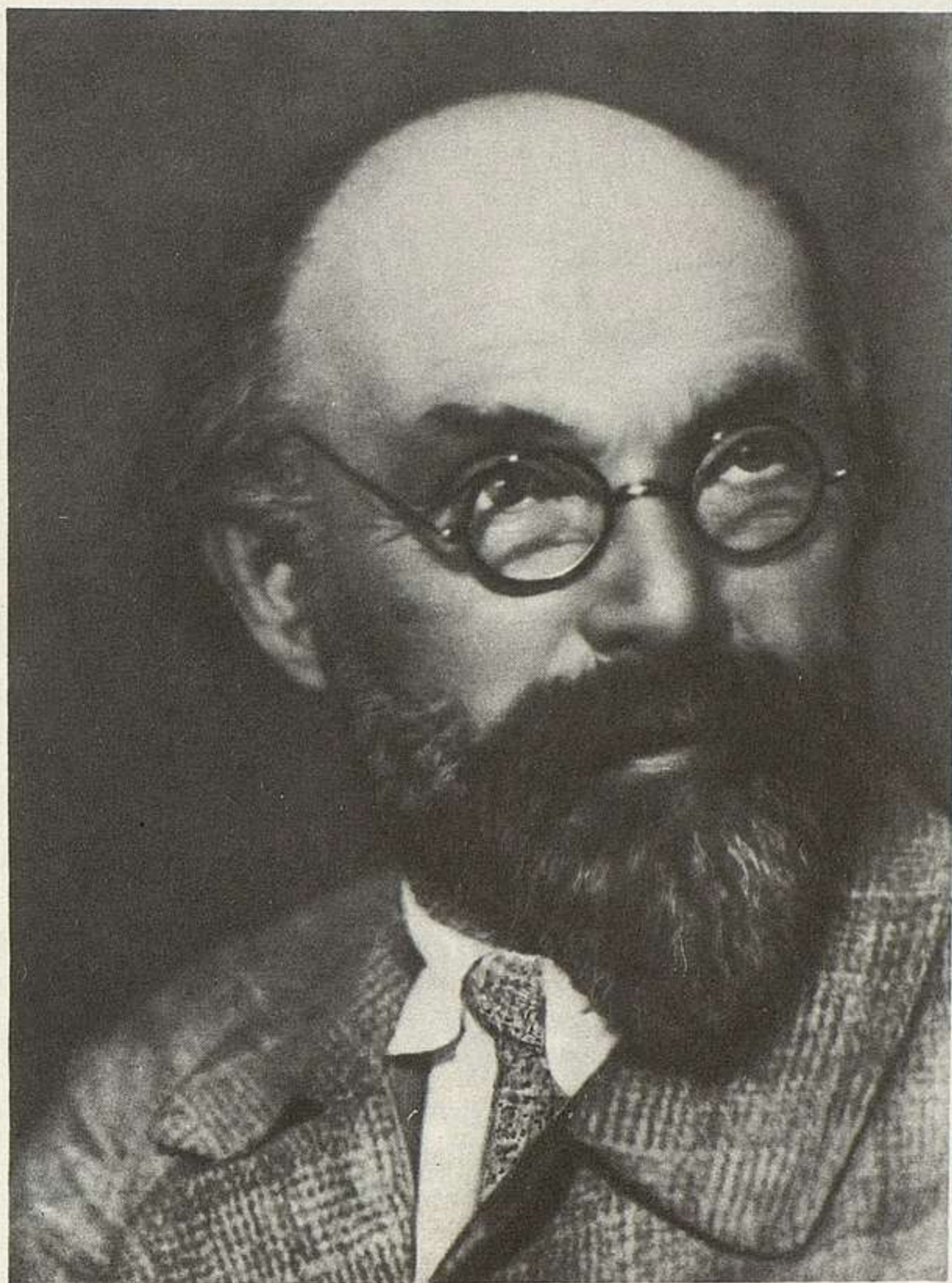
БЕРЕСТЯНАЯ
ТРУБОЧКА

РИСУНКИ
Е. РАЧЁВА

308028 мз

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
республиканская
детская библиотека
РСФСР

М. М. Пришвин

ДОБРЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Бывают ли на свете волшебники?

Вы скажете:

— Конечно. Да только в сказках.

А вот и нет. Жил на земле такой добрый волшебник. Он понимал птичий язык, понимал язык зверей и животных. И сам с ними разговаривал.

Вот, например, он увидал, как встретился тигровый кот со щенком Ромкой. Кот говорит:

— Ты, конечно, можешь на меня броситься, но помни, собака, за меня тигры стоят! Попробуй-ка сунься, пёс, и я дам тебе тигра в глаза!

А пёс отвечает:

— Знаю, мышатница, что ты дашь мне тигра в глаза, а всё-таки я тебя разорву пополам!

Волшебник слышит это. Пришлось вмешаться.

— Роман, не дури!

И разговор деревьев он понимал. И с цветами здоровался, и воду из шляпки гриба пил, и солнце показывало ему свой рубиновый глаз, и капёль пела песни...

Кто же был этот волшебник?

А волшебником этим был хороший, добрый писатель Михаил Михайлович Пришвин. Он любил природу, умел её видеть и слышать. И нас, читателей, учил тому же.

Особенно Михаил Михайлович любил наш русский лес. Почитайте его книги, и вы узнаете, сколько чудес он там видел.

Михаил Михайлович так писал:

«Пусто никогда не бывает в лесу, и если кажется пусто, то сам виноват».

«Чудеса не как в сказке о живой воде и мёртвой, а настоящие, как они совершаются везде и всюду и во всякую минуту нашей жизни, но только часто мы, имея глаза, их не видим, имея уши — не слышим».

Он учил нас любить свою родную землю, беречь её, он обращался к нам:

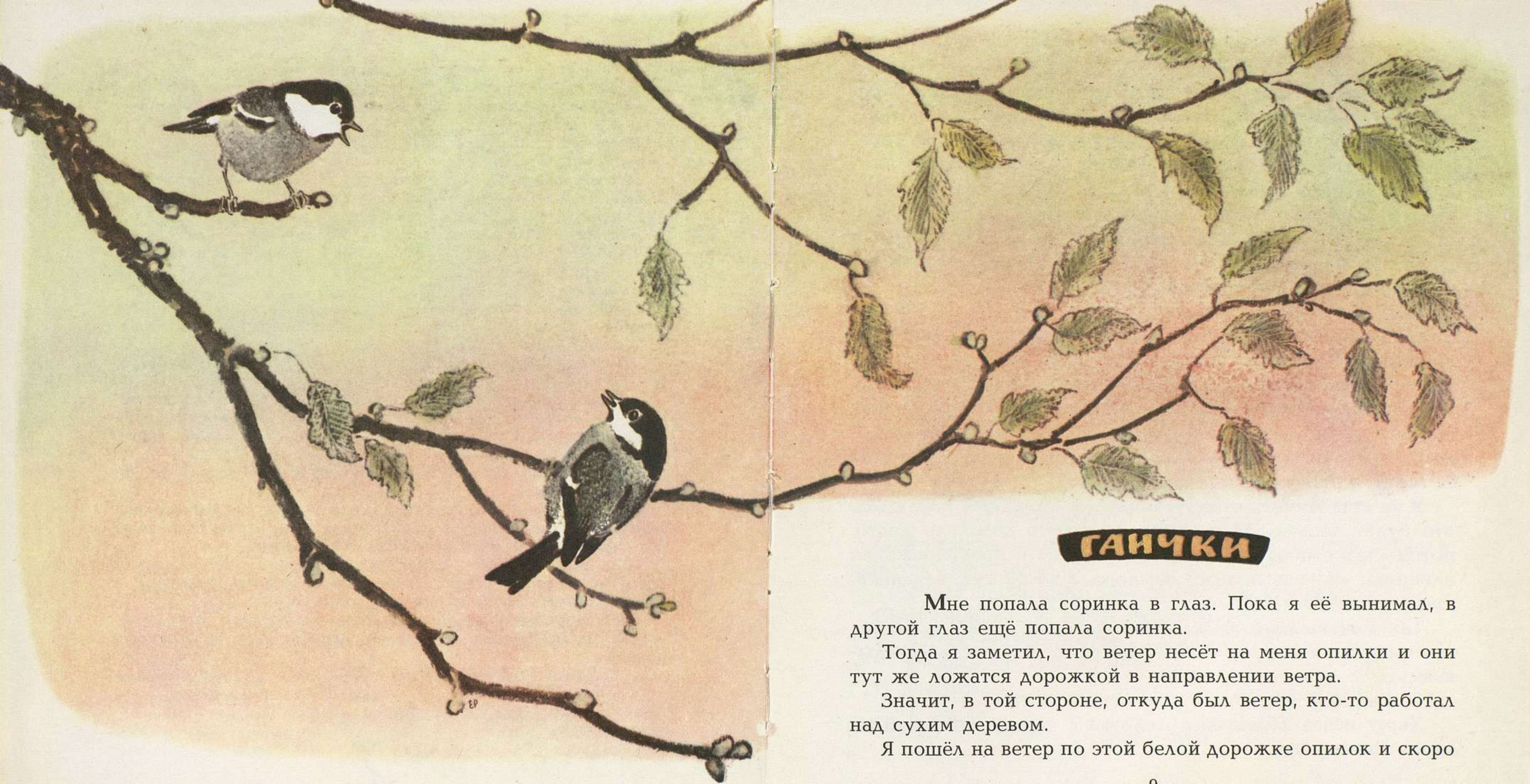
«Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять, — их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоёмы. В лесах, степях, горах разные ценные животные — будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе — вода, птице — воздух, зверю — лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину».

Л. Воронкова

ГАНЧКИ

Мне попала соринка в глаз. Пока я её вынимал, в другой глаз ещё попала соринка.

Тогда я заметил, что ветер несёт на меня опилки и они тут же ложатся дорожкой в направлении ветра.

Значит, в той стороне, откуда был ветер, кто-то работал над сухим деревом.

Я пошёл на ветер по этой белой дорожке опилок и скоро

увидел, что это две самые маленькие синицы, гайки — сизые, с чёрными полосками на белых пухленьких щёчках, работали носами по сухому дереву и добывали себе насекомых в гнилой древесине. Работа шла так бойко, что птички на моих глазах всё глубже и глубже уходили в дерево. Я терпеливо смотрел на них в бинокль, пока, наконец, от одной гайки на виду остался лишь хвостик. Тогда я тихонечко зашёл с другой стороны, подкрался и то место, где торчит хвостик, покрыл ладонью. Птичка в дупле не сделала ни одного движения и сразу как будто умерла. Я принял ладонь, потрогал пальцем хвостик — лежит, не шевелится; погладил пальцем вдоль спинки — лежит как убитая. А другая гайка сидела на ветке в двух-трёх шагах и попискивала. Можно было догадаться, что она убеждала подругу лежать как можно смирнее. «Ты, — говорила она, — лежи и молчи, а я буду около него пищать, он погонится за мной, я полечу, и ты тогда не зевай».

Я не стал мучить птичку, отошёл в сторону и наблюдал, что будет дальше. Мне пришлось стоять довольно долго, потому что свободная гайка видела меня и предупреждала пленную: «Лучше полежи немного, а то он тут, недалеко, стоит и смотрит».

Так я очень долго стоял, пока, наконец, свободная гайка не пропищала совсем особенным голосом, как я догадываюсь:

— Вылезай, ничего не поделаешь: стойт.

Хвост исчез. Показалась головка с чёрной полоской на щеке. Пискнула:

— Где же он?
— Вон стоит,— пискнула другая.— Видишь?
— А, вижу!— пискнула пленница.
И выпорхнула.

Они отлетели всего несколько шагов и, наверно, успели шепнуть друг другу:

— Давай посмотрим, может быть, он и ушёл.
Сели на верхнюю ветку. Всмотрелись.
— Стоит,— сказала одна.
— Стоит,— сказала другая.
И улетели.

БЕРЕСТЯНАЯ ТРУБОЧКА

Я нашёл удивительную берестяную трубочку. Когда человек вырежет себе кусок берёсты на берёзе, оставшаяся берёста около пореза начинает свёртываться в трубочку. Трубочка высохнет, туго свернётся. Их бывает на берёзах так много, что и внимания не обращаешь.

Но сегодня мне захотелось посмотреть, нет ли чего в такой трубочке. И вот в первой же трубочке я нашёл хороший орех, так плотно прихваченный, что с трудом

удалось палочкой его вытолкнуть. Вокруг берёзы не было орешника. Как же он туда попал?

«Наверно, белка его туда спрятала, делая зимние свои запасы,—подумал я.—Она знала, что трубка будет всё плотнее и плотнее свёртываться и всё крепче прихватывать орех, чтоб не выпал». Но после я догадался, что это не белка, а птица ореховка воткнула орех, может быть, украв из гнезда белки.

Разглядывая свою берестяную трубочку, я сделал ещё одно открытие: под прикрытием ореха поселился—кто бы мог подумать!—паучишка и всю внутренность трубочки затянул своей паутинкой.

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

Недолго пришлось нам дожидаться разлива. В одну ночь после сильного, очень тёплого дождя воды прибавилось сразу на метр, и отчего-то невидимый ранее город Кострома с белыми зданиями показался так отчётливо, будто раньше он был под водой и только теперь из-под неё вышел на свет. Тоже и горный берег Волги, раньше терявшийся в снежной белизне, теперь возвышался над водой, жёлтый от глины и песка. Несколько деревень на холмиках были кругом обойдены водой и торчали, как муравейники.

На великом разливе Волги там и тут виднелись копеечки незалитой земли, иногда голые, иногда с кустарником, иногда с высокими деревьями. Почти ко всем этим копеечкам жались утки разных пород, и на одной косе длинным рядом, один к одному, гляделись в воду гуси-гуменники. Там, где земля была совсем затоплена и от бывшего леса торчали только вершинки, как частая шерсть, всюду эти шерстинки

покрывались разными зверьками. Зверьки иногда сидели на ветках так густо, что обыкновенная какая-нибудь веточка ивы становилась похожа на гроздь чёрного крупного винограда.

Водяная крыса плыла к нам, наверно, очень издалека и, усталая, прислонилась к ольховой веточке. Лёгкое волнение воды пыталось оторвать крысу от её пристани. Тогда она поднялась немного по стволу, села на развилочку.

Тут она прочно устроилась: вода не доставала её. Только изредка большая волна, «девятый вал», касалась её хвоста, и от этих прикосновений в воде рождались и уплывали кружочки.

А на довольно-таки большом дереве, стоящем, наверно, под водой на высоком пригорке, сидела жадная, голодная ворона и выискивала себе добычу. Невозможно бы ей было углядеть в развилочке водяную крысу, но на волне от соприкосновения с хвостом плыли кружочки, и вот эти-то кружочки и выдали вороне местопребывание крысы. Тут началась война не на живот, а на смерть.

Несколько раз от ударов клюва вороны крыса падала в воду, и опять взбиралась на свою развилочку, и опять падала. И вот совсем было уже удалось вороне схватить свою жертву, но крыса не желала стать жертвой вороны.

Собрав последние силы, так ущипнула ворону, что из неё пух полетел, и так сильно, будто её дробью хватили. Ворона даже чуть не упала в воду и только с трудом справилась, ошалелая села на своё дерево и стала усердно оправлять свои перья, по-своему залечивать раны. Время от

308028

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
республиканская
детская библиотека
РСФСР

времени от боли своей, вспоминая о крысе, она оглядывалась на неё с таким видом, словно сама себя спрашивала: «Что это за крыса такая? Будто так никогда со мной и не бывало!»

Между тем водяная крыса после счастливого своего удара вовсе даже и забыла думать о вороне. Она стала навастривать бисерок своих глазок на желанный наш берег.

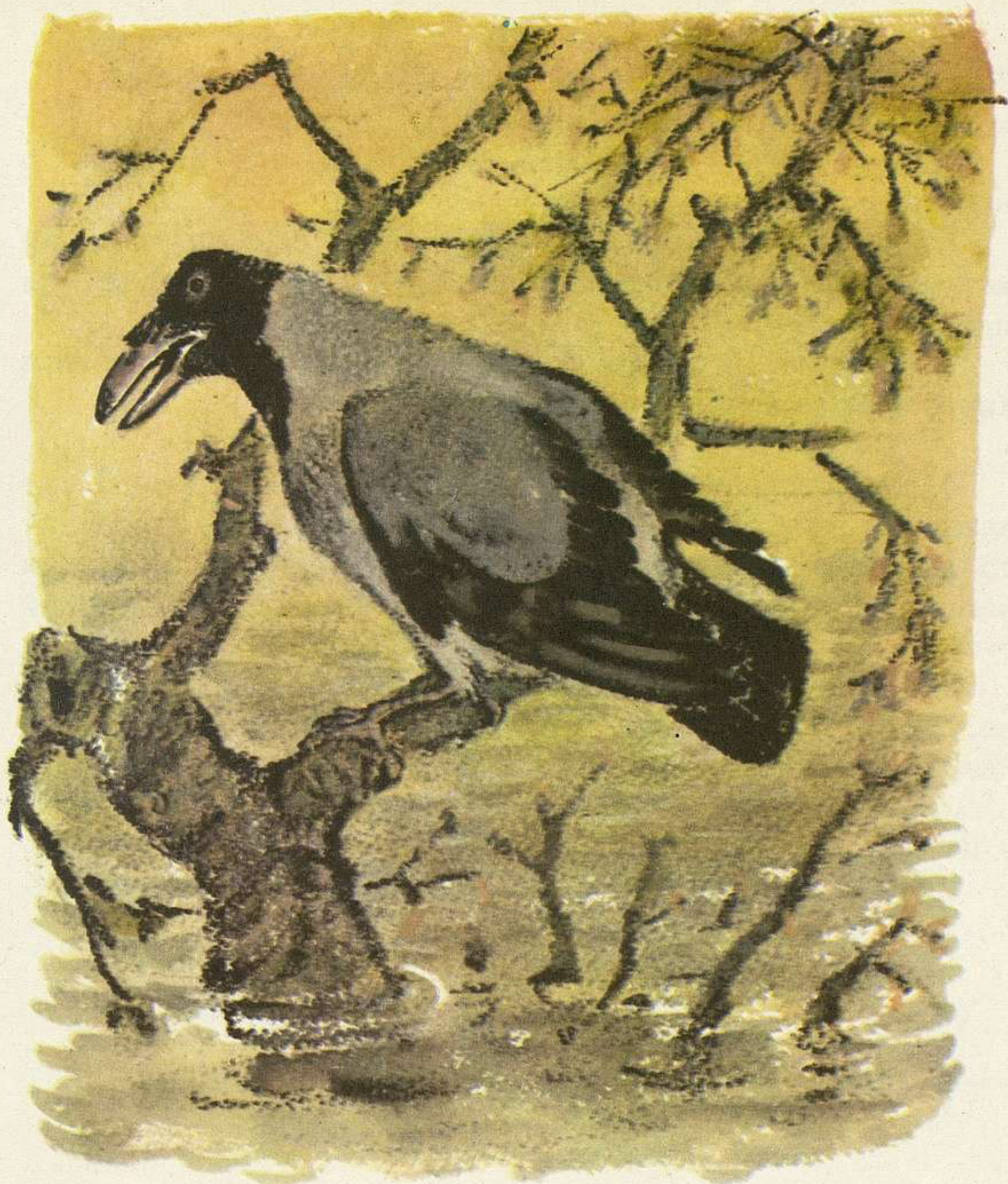
Срезав себе веточку, она взяла её передними лапками, как руками, и зубами стала грызть, а руками повёртывать. Так она обглодала дочиста всю веточку и бросила её в воду. Новую же срезанную веточку она не стала глодать, а прямо с ней спустилась вниз и поплыла и потащила веточку на буксире. Всё это видела, конечно, хищная ворона и провожала храбрую крысу до самого нашего берега.

Однажды мы сидели у берега и наблюдали, как из воды выходили землеройки, полёвки, водяные крысы; и норки, и

заюшки, и горностаюшки, и белки тоже сразу большой массой приплыли и все до одной держали хвостики вверх.

Каждую зверушку мы, как хозяева острова, встречали, принимали с родственным вниманием и, поглядев, пропускали бежать в то место, где полагается жить её породе.

Но напрасно мы думали, что знаем всех наших гостей. Новое знакомство началось словами Зиночки.

— Поглядите,—сказала она,—что же это делается с нашими утками!..

Эти наши утки выведены от диких, и мы возили их для охоты: утки кричат и подманивают диких селезней на выстрел.

Глянули на этих уток и видим, что они отчего-то стали много темнее и, главное, много толще.

— Отчего это?—стали мы гадать, додумываться.

И пошли за ответом на загадку к самим уткам. Тогда оказалось, что для бесчисленного множества плывущих по воде в поисках спасения паучков, букашек и всяких насекомых наши утки были двумя островами, желанной сушей.

Они взбирались на плавающих уток в полной уверенности, что наконец-то достигли надёжного пристанища и опасное странствование их по водам кончено. И так их было много, что утки наши толстели и толстели заметно у нас на глазах.

Так наш берег стал островом спасения для всех зверей—больших и маленьких.

ВАЛЬДСШНЕП

Весна движется, но медленно. В озерке, ещё не совсем растаявшем, лягушки высунулись и урчат. Орех цветёт, но ещё не пылят жёлтой пыльцой его серёжки. Птичка на лету зацепит веточку, и не полетит от веточки жёлтый дымок.

Исчезают последние клочки снега в лесу. Листва из-под снега выходит плотно слежалая, серая.

Неподалёку от себя я разглядел птицу такого же цвета, как эта прошлогодняя листва, с большими чёрными выразительными глазами и носом длинным, не менее половины карандаша.

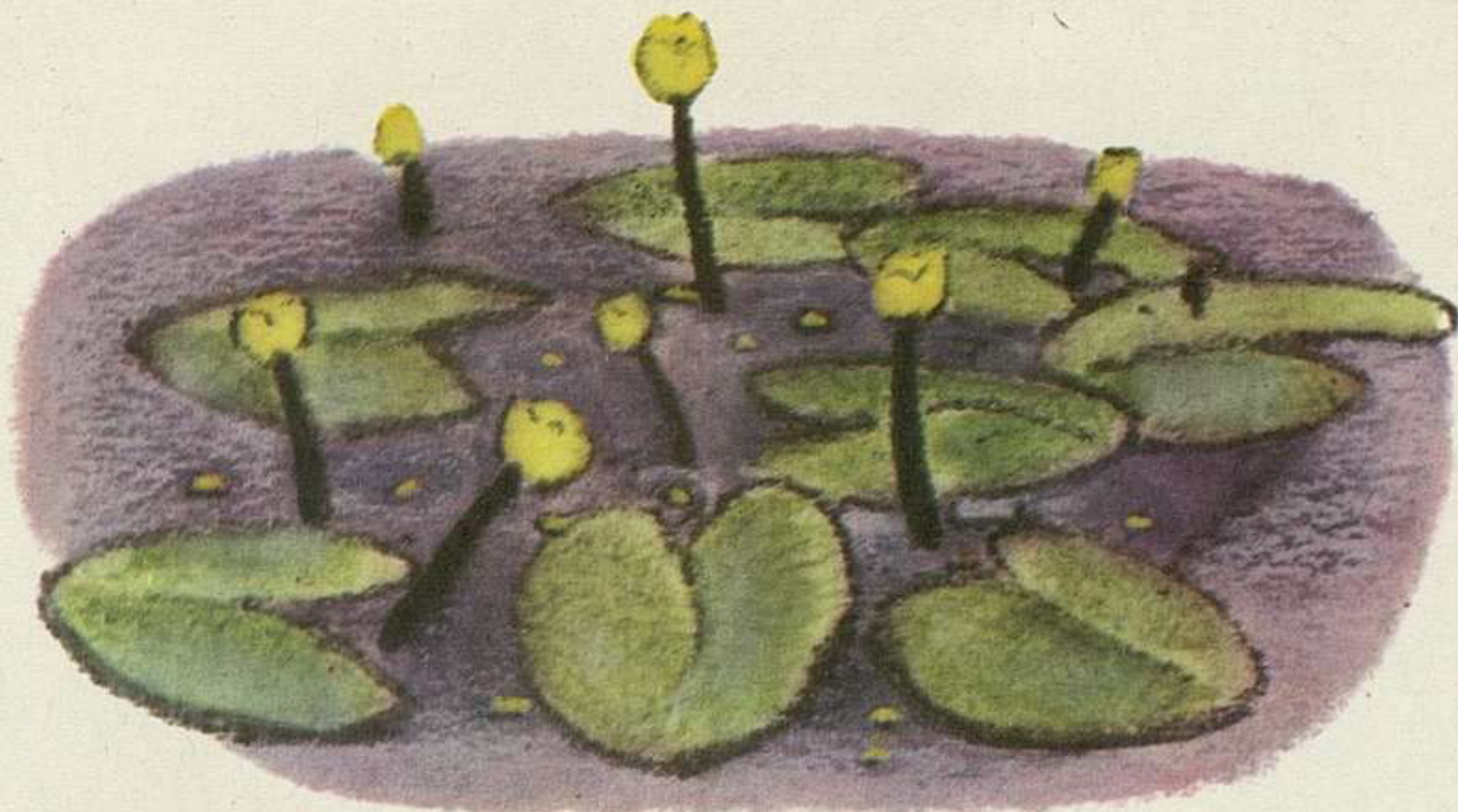
Мы сидели неподвижно; когда вальдшнеп уверился, что мы неживые, он встал на ноги, взмахнул своим карандашом и ударил им в горячую прелую листву.

Невозможно было увидеть, что он там достал себе из-под листвы, но только мы заметили, что от этого удара в землю сквозь листву у него на носу остался один круглый осиновый листик.

Потом прибавился ещё и ещё. Тогда мы спугнули его; он полетел вдоль опушки, совсем близко от нас, и мы успели сосчитать: на клювике у него было надето семь старых осиновых листиков.

ЖУРКА

Раз было у нас — поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он её проглотил. Дали другую — проглотил. Третью, четвёртую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

— Умница! — сказала моя жена и спросила меня: — А сколько он может съесть их? Десять может?

— Десять, — говорю, — может.

— А ежели двадцать?

— Двадцать, — говорю, — едва ли...

Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду ходить. Она корову доить — и Журка с ней, она в огород — и Журке там надо, и тоже на полевые колхозные работы ходит с ней, и за водой. Привыкла к нему жена, как к своему собственному ребёнку, и без него ей

уж скучно, без него никуда. Но только ежели случится — нет его, крикнет только одно: «Фру-фру!», и он к ней бежит. Такой умница!

Так живёт у нас журавль, а подрезанные крылья его всё растут и растут.

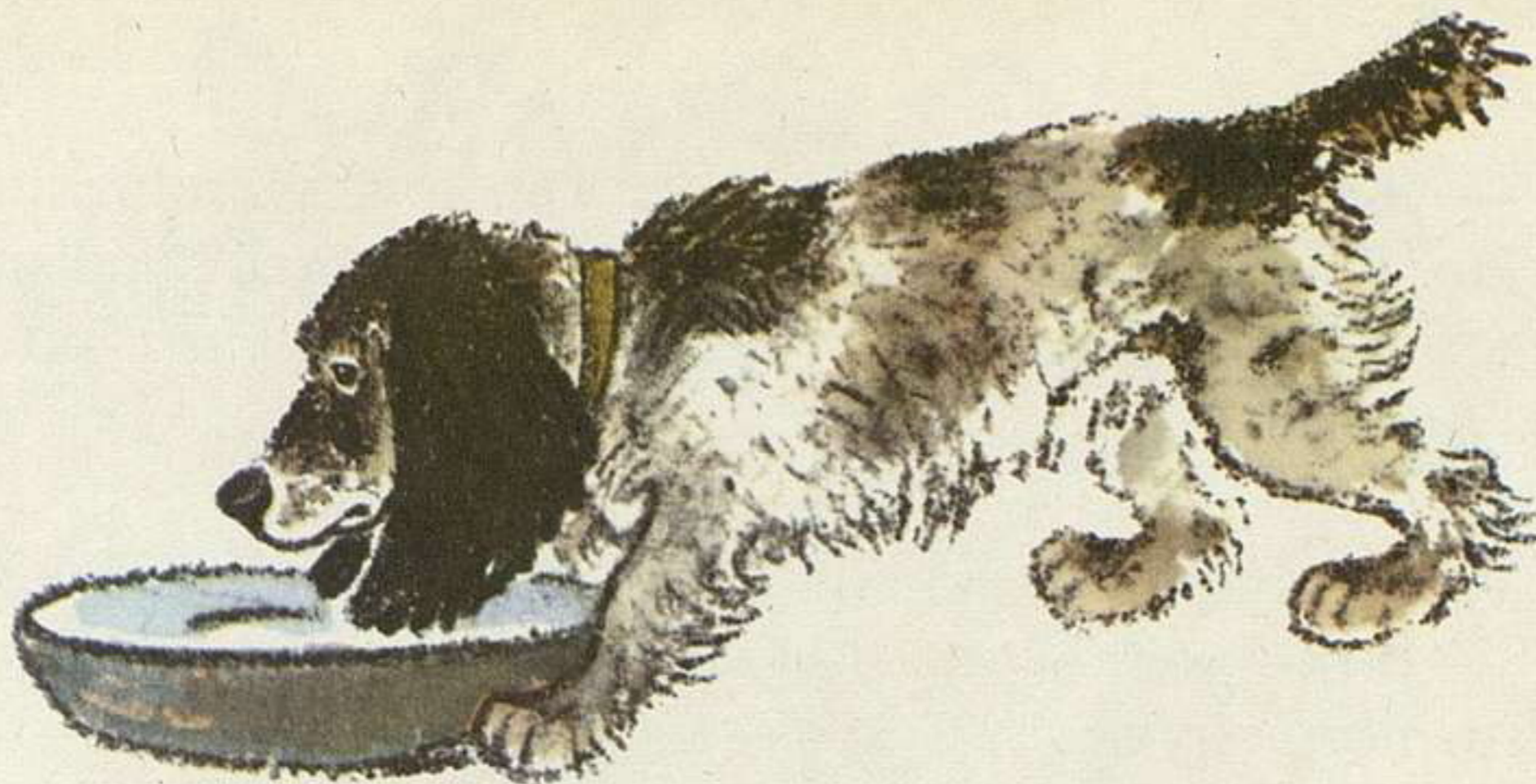
Раз пошла жена за водой вниз, к болоту, и Журка за ней. Лягушонок небольшой сидел у колодца и прыг от Журки в болото. Журка за ним, а вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься. Мах-мах крыльями Журка и вдруг полетел. Жена ахнула — и за ним. Мах-мах руками, а подняться не может. И в слёзы, и к нам: «Ах, ах, горе какое! Ах, ах!» Мы все прибежали к колодцу. Видим — Журка далеко, на середине нашего болота сидит.

— Фру-фру! — кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат: «Фру-фру!»

И такой умница! Как только услышал он это наше «фру-фру», сейчас мах-мах крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам бежать скорее за лягушками. В этот год лягушек было множество, ребята скоро набрали два картуза. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять — проглотил, дали десять — проглотил, двадцать и тридцать... Да так вот и проглотил за один раз сорок три лягушки.

СВАТ

Подарили мне небольшую собачку редкостной породы спаниель, величиной в два больших кота, а уши до самой земли. Когда ест — уши мокнут, когда нюхает землю — передними лапами наступает на свои уши.

«Ухан» следовало бы назвать его по-русски, но у него кличка была английская — Джимми. Не нравилась мне чужая кличка, такая незвучная: изволь орать «Джимми», когда дрессируемый щенок помчится за котом или зайцем. Мы сначала превратили Джимми в арабского Джина, а когда этот Джин засел верхом на утку нашу и начал её жать, то мы все разом закричали на него не Джин, а Жим, в смысле «не жми».

И так оно и пошло бы, наверно, Жим, но случилось однажды, наш спаниель засел верхом на Хромку, нашу охотничью ручную уточку, без того уже убогую, хроменькую.

— Жим, перестань! Жим, не жми!—закричали мы ему. Но он не слушал и продолжал давить Хромку. В это время за калиткой на улице прохожий звучно крикнул кому-то:

— Сват!

И, услышав этого «свата», Жим почему-то бросил утку.

— Вот кличка-то!—сказал я.—И звучная и милая. Давайте попробуем Жима звать Сватом.

В это время по улице люди из деревни шли на базар. Не успел я это сказать своим, как послышался за калиткой отчётливый разговор каких-то прохожих.

— Да он мне, милый, не сват, не брат,—сказал один.

А другой ему сочувственно:

— И не сват и не кум.

И пошло, как под музыку:

Не тесть, и не зять,

И не шурин, не свояк...

После некоторого молчания и уже издали, чуть слышно:

— Никакая не родня, а просто седьмая вода на киселе.

На другой день случилось: Жим разогнал нашего кота и сам ударился за ним через подворотню на улицу. Я выбежал в калитку и во всё горло закричал:

— Сват!

Тут соседи мои и мальчишки-голубятники удивились, кого это я зову сватом.

А кот в это время, сделав круг и не успев вскочить где-нибудь на дерево, бежал обратно, и за ним, чуть ли не на хвосте кошачьем, мчался Сват. Тогда по лицу моему,

по всему удовлетворённому виду соседи и все, кто был на улице, поняли, кто был моим сватом. И сколько тут было смеху, сколько звонкой радости! Старый и малый — все орало вслед бегущему коту и собачке: кто орал «Сват», кто — «Кум», кто — «Тесть», кто — «Зять», кто — «Шурин», кто — «Деверь», кто — «Свояк».

Кот же, конечно, нырнул в подворотню и, чувствуя у самого хвоста своего морду Свата, махнул вверх на машину. А Сват, конечно, за ним тоже на машину. Васька, прижатый к окну шофёра, вглядывается холодным, расчётливым глазом и медленно заносит назад правую лапу — точно так же, как бойцы заносят назад руку с гранатой,

чтобы с силой бросить вперёд. И когда нос Свата был возле кота, граната ударила по носу и с шипом разорвалась, а я, сочувствуя коту, сказал:

— Я тебе не сват, не брат.

И столько раз надавал кот лапой Свату, что я успел принести фотоаппарат, снять их и закончить им присказку:

Не сват, не брат,
Не тесть, не кум,
Не зять, не свояк,
И не шурин, и никакая не родня,
Седьмая вода на киселе!

БЕЛИЧЬЯ ПАМЯТЬ

Сегодня, разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал: белка пробилась сквозь снег в мох, достала там с осени спрятанных два ореха, тут же их съела — я скорлупки нашёл. Потом отбежала десятков метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу и через несколько метров сделала третью полазку.

Что за чудо? Нельзя же подумать, чтобы она чуяла запах ореха через толстый слой снега и льда. Значит, помнила с осени о своих орехах и точное расстояние между ними.

Но самое удивительное — она не могла отмеривать, как мы, сантиметры, а прямо на глаз с точностью определяла, ныряла и доставала. Ну как было не позавидовать беличьей памяти и смекалке!

На вырубке вокруг старых чёрных пней было множество высоких, ёлочкой, красных цветов, и от них вся вырубка казалась красной, хотя гораздо больше тут было иван-да-марьи — цветов наполовину синих, наполовину жёлтых. Во множестве тут были тоже и белые ромашки с жёлтой пуговкой в сердце, звонцы, синие колокольчики, лиловое кукушкино платье — каких-каких цветов не было! Но от красных ёлочек, казалось, вся вырубка была красная. А возле чёрных пней ещё можно было найти переспелую и очень сладкую землянику. Летним временем дождик совсем не мешает, я пересидел его под ёлкой; сюда же, в сухое место, собрались от дождя комары, и как ни дымил я на них из своей трубки, собаку мою Ярика они очень мучили. Пришлось развести грудок, как у нас называют костёр. Дым от еловых шишек повалил очень густой, и

скоро мы выжили комаров и выгнали их на дождик. Но не успели мы с комарами расправиться, дождик перестал. Летний дождик — одно только удовольствие.

Пришлось всё-таки под ёлкой просидеть ещё с полчаса и дождаться, пока птицы выйдут кормиться и дадут по росе свежие следы. Когда по расчёту это время прошло, мы вышли на красную вырубку, и, сказав: «Ищи, друг!» — я пустил своего Ярика.

Часто я с завистью смотрю на нос своего Ярика и думаю: «Вот если бы мне такой аппарат, вот побежал бы я на вете-рок по цветущей красной вырубке и ловил бы и ловил интересные мне запахи!»

— Ну, ищи же, гражданин! — повторил я своему другу.

И он пустился кругами по красной вырубке.

Скоро на опушке Ярик остановился под деревьями, крепко обнюхал место, искоса очень серьёзно посмотрел на меня, пригласил следовать: мы понимаем друг друга без слов. Он повёл меня за собой очень медленно, сам же уменьшился на ногах и очень стал похож на лисицу.

Так мы пришли к густой заросли, в которую пролезть мог только Ярик; но одного его пустить туда я бы не решился: один, он мог увлечься птицами, кинуться на них, мокрых от дождя, и погубить все мои труды по обучению. С сожалением хотел было я его отозвать, но вдруг он вильнул своим великолепным, похожим на крыло хвостом, взглянул на меня. Я понял — он говорил:

— Они тут ночевали, а кормились на поляне с красными цветами.

— Как же быть?— спросил я.

Он понюхал цветы: следов не было. И всё стало понятно: дождик смыл все следы, а те, по которым мы шли, сохранились, потому что были под деревьями.

Оставалось сделать новый круг. Но Ярик и полукруга не сделал — остановился возле небольшого, но очень густого куста. Запах тетеревов пахнул ему на всём ходу, и потому он стал в очень странной позе, весь кольцом изогнулся и, если бы хотел, мог во всё удовольствие любоваться своим великолепным хвостом. Я поспешил к нему, огладил и шёпотом сказал:

— Иди, если можно!

Он выпрямился, попробовал шагнуть вперёд, и это оказалось возможно, только очень тихо. Так, обойдя весь куст кругом, он дал мне понять:

— Они тут были во время дождя.

И уже по самому свежему следу, по роске, повёл, касаясь своими длинными волосами на хвосте самой земли.

Вероятно, они слышали нас и тоже пошли вперёд,— я это понял по Ярику; он мне по-своему доложил:

— Идут впереди нас и очень близко.

Они все вошли в большой куст можжевельника, и тут Ярик сделал свою последнюю, мёртвую, стойку. До сих пор ему ещё можно было время от времени раскрывать рот и хэхать, выпуская свой длинный розовый язык; теперь же челюсти были крепко стиснуты, и только маленький кончик языка, не успевший вовремя убратся в рот, торчал из-под губы, как розовый лепесток. Комар сел на розовый кончик, впился, стал наливаясь, и видно было, как тёмно-коричневая, словно клеёнчатая, тюпка на носу Ярика волновалась от боли и танцевала от запаха, но убрать язык было невозможно: если открыть рот, то оттуда может сильно хахнуть и птиц испугать.

Но я не так волновался, как Ярик, осторожно подошёл, ловким щелчком скинул комара и полюбовался на Ярика сбоку: как изваянный стоял он с вытянутым в линию спины хвостом-крылом, а зато в глазах собралась в двух точках вся жизнь.

Тихонько я обошёл куст и стал против Ярика, чтобы птицы не улетели за куст невидимо, а поднялись вверх.

Мы довольно долго так стояли, и, конечно, они в кусту хорошо знали, что мы стоим с двух сторон. Я сделал шаг к кусту и услышал голос тетеревиной матки. Она квохнула и этим сказала детям:

— Лечу, посмотрю, а вы пока посидите.

И со страшным треском вылетела.

Если бы на меня она полетела, то Ярик не тронулся бы, и если бы даже просто пролетела над ним, он не забыл бы, что главная добыча сидит в кусту и какое это страшное преступление бежать за вылетевшей птицей. Но большая серая, почти с курицу, птица вдруг кувыркнулась в воздухе, подлетела почти к самому Ярикову носу и над самой землёй тихонечко полетела, маня его криком:

— Догоняй же, я летать не умею!

И, как убитая, в десяти шагах упала на траву и по ней побежала, шевеля высокие красные цветы.

Этого Ярик не выдержал и, забыв годы моей науки, ринулся...

Фокус удался. Она отманила зверя от выводка и, крикнув в кусты детям: «Летите, летите все в разные стороны!»—сама вдруг взмыла над лесом и была такова.

Молодые тетерева разлетелись в разные стороны, и, наверно, слышалось издали Ярику:

— Дурак! Дурак!

— Назад!—крикнул я своему одураченному другу.

Он опомнился и, виноватый, медленно стал подходить. Особенным, жалким голосом я спрашиваю:

— Что ты сделал?

Он лёг.

— Ну, иди же, иди!

Ползёт виноватый, кладёт мне на коленку голову, очень просит простить.

— Ладно,— говорю я, усаживаясь в куст,— лезь за мной, смирно сиди, не хахай. Мы сейчас с тобой одурачим всю эту публику.

Минут через десять я тихонько свищу, как тетеревята:

— Фиу, фиу!

Значит: «Где ты, мама?»

— Квох, квох!— отвечает она.

И это значит: «Иду!»

Тогда с разных сторон засвистело, как я:

— Где ты, мама?

— Иду, иду!— всем отвечает она.

Один цыплёнок свистит очень близко от меня. Я ему отвечаю. Он бежит, и вот я вижу — у меня возле самой коленки шевелится трава.

Посмотрев Ярику в глаза, погрозив ему кулаком, я быстро накрываю ладонью шевелящееся место и вытаскиваю серого, величиною с голубя, цыплёнка.

— Ну, понюхай,— тихонько говорю Ярику.

Он отворачивает нос: боится хамкнуть.

— Нет, брат, нет,— жалким голосом прошу я,— понюхай-ка!

Нюхает, а сам — как паровоз. Самое сильное наказание.

Вот теперь я уже смело свищу и знаю — непременно

прибежит ко мне matka: всех соберёт, одного не хватит — и прибежит за последним.

Их всех, кроме моего, семь. Слышу, как один за другим, отыскав мать, смолкают, и когда все семь смолкли, я, восьмой, спрашиваю:

— Где ты, мама?

— Иди к нам! — отвечает она.

— Фиу, фиу: нет, тыведи всех ко мне.

Идёт, бежит. Вижу, как из травы то тут, то там, как горлышко бутылки, высовывается её шея, а за ней шевелит траву и весь её выводок. Все они сидят от меня в двух шагах. Теперь я говорю Ярику глазами:

— Ну, не будь дураком!

И пускаю своего тетеревёнка. Он хлопает крыльями о куст, и все хлопают, все вздымаются. А мы из куста с Яриком смотрим вслед улетающим и смеёмся:

— Вот как мы вас одурачили, граждане!

ТАИНСТВЕННЫЙ ЯЩИК

В Сибири, в местности, где водится очень много волков, я спросил одного охотника, имеющего большую награду за партизанскую войну:

— Бывают ли у вас случаи, чтобы волки нападали на человека?

— Бывают,— ответил он.— Да что из этого? У человека оружие, человек — сила, а что волк! Собака, и больше ничего.

— Однако, если эта собака да на безоружного человека...

— И то ничего,— засмеялся партизан.— У человека самое сильное оружие — ум, находчивость и в особенности такая оборотливость, чтобы из всякой вещи сделать себе оружие. Раз было, один охотник простой ящик превратил в оружие.

Партизан рассказал случай из очень опасной охоты на волков с поросёнком. Лунной ночью сели в сани четыре охотника и захватили с собой ящик с поросёнком. Ящик был большой, сшитый из полутёса. В этот ящик без крышки посадили поросёнка и поехали в степь, где волков великое множество. А было это зимой, когда волки голодные. Вот охотники выехали в поле и начали поросёнка тянуть кто за ухо, кто за ногу, кто за хвост. Поросёнок от этого стал визжать: больше тянут — больше визжит, и всё звонче и звонче, и на всю степь. Со всех сторон на этот поросёный визг стали собираться волчьи стаи и настигать охотничьи сани. Когда волки приблизились, вдруг лошадь их почуяла — и как хватит! Так и полетел из саней ящик с поросёнком, и, самое скверное, вывалился один охотник без ружья и даже без шапки.

Часть волков умчалась за взбешённой лошадей, другая же часть набросилась на поросёнка, и в один миг от него ничего не осталось. Когда же эти волки, закусив поросёнком, захотели приступить к безоружному человеку, вдруг глядят — а человек этот исчез и на дороге только ящик один лежит вверх дном. Вот пришли волки к ящику и видят: ящик-то не простой — ящик движется с дороги к обочине и с обочины в глубокий снег. Пошли волки осторожно за ящиком, и как только этот ящик попал на глубокий снег, на глазах волков он стал ниже и ниже.

Волки оробели, но, постояв, оправились и со всех сторон ящик окружили. Стоят волки и думают, а ящик всё ниже да ниже. Ближе волки подходят, а ящик не дремлет: ниже

да ниже. Думают волки: «Что за диво? Так будем дожидаться — ящик и вовсе под снег уйдёт».

Старший волк осмелился, подошёл к ящику, приставил нос свой к щёлке...

И только он свой волчий нос приставил к этой щёлке, как дунет на него из щёлки! Сразу все волки бросились в сторону, какой куда попал, и тут же вскоре охотники вернулись на помощь, и человек, живой и здоровый, вышел из ящика.

— Вот и всё,—сказал партизан.—А вы говорите, что безоружному нельзя против волков выходить. На то и ум у человека, чтобы он из всего мог себе делать защиту.

— Позволь,—сказал я,—ты мне сейчас сказал, что человек из-под ящика чем-то дунул.

— Чем дунул?—засмеялся партизан.—А словом своим человеческим дунул, и они разбежались.

— Какое же это слово такое он знал против волков?

— Обыкновенное слово,—сказал партизан.—Какие слова говорят в таких случаях? «Дураки вы, волки»,—сказал — и больше ничего.

ПИКОВАЯ ДАМА

Курица непобедима, когда она, пренебрегая опасностью, бросается защищать своего птенца. Моему Трубачу стоило только слегка нажать челюстями, чтобы уничтожить её, но громадный гонец¹, умеющий постоять за себя и в борьбе с волками, поджав хвост, бежит в свою конуру от обыкновенной курицы.

Мы зовём нашу чёрную наседку за необычайную её родительскую заботу при защите детей, за её клюв — пику на голове — Пиковой Дамой. Каждую весну мы сажаем её на яйца диких уток (охотничьих), и она высиживает и выхаживает нам утят вместо цыплят. В нынешнем году,

¹ Гонец — гончая собака (охотничье выражение).

случилось, мы недосмотрели: выведенные утята преждевременно попали на холодную росу, подмочили пупки и погибли, кроме единственного. Все наши заметили, что в нынешнем году Пиковая Дама была во сто раз злей, чем всегда.

Как это понять? Не думаю, что курица способна оби-

даться на то, что получились утята вместо цыплят. И раз уж села курица на яйца, недоглядев, ей приходится сидеть, и надо высидеть, и надо потом выхаживать птенцов, надо защищать от врагов, и надо всё довести до конца. Так она и водит их и не позволяет себе их даже разглядывать с сомнением: «Да цыплята ли это?»

Нет, я думаю, этой весной Пиковая Дама была раздра-

жена не обманом, а гибелью утят, и особенное беспокойство её за жизнь единственного утёнка понятно: везде родители беспокоятся о ребёнке больше, когда он единственный...

Но бедный, бедный мой Грашка!

Это — грач. С отломанным крылом он пришёл ко мне на огород и стал привыкать к этой ужасной для птицы бескрылой жизни на земле и уже стал подбегать на мой зов «Грашка», как вдруг однажды в моё отсутствие Пиковая

Дама заподозрила его в покушении на своего утёнка и прогнала за пределы моего огорода, и он больше ко мне после того не пришёл.

Что грач! Добродушная, уже пожилая теперь, моя легавая¹ Лада часами выглядывает из дверей, выбирает местечко, где ей можно было бы безопасно от курицы до

¹ Легавая — порода охотничьих собак.

ветру сходить. А Трубач, умеющий бороться с волками! Никогда он не выйдет из конуры, не проверив острым глазом своим, свободен ли путь, нет ли вблизи где-нибудь страшной чёрной курицы.

Но что тут говорить о собаках — хорош и я сам! На днях вывел из дому погулять своего шестимесячного щенка Травку и только завернул за овин, гляжу: передо мною утёнок стоит. Курицы возле не было, но я себе её вообразил и, в ужасе, что она выклюнет прекраснейший глаз у Травки, бросился бежать, и как потом радовался — подумать только, я радовался! — что спасся от курицы!

Было вот тоже в прошлом году замечательное происшествие с этой сердитой курицей. В то время, когда у нас прохладными, светло-сумеречными ночами стали сено косить на лугах, я вздумал немного промять своего Трубача и дать погонять ему лисичку или зайца в лесу. В густом ельнике, на перекрёстке двух зелёных дорожек, я дал волю Трубачу, и он сразу же ткнулся в куст, вытурил молодого русака и с ужасным рёвом погнал его по зелёной дорожке. В это время зайцев нельзя убивать, я был без ружья и готовился на несколько часов отдаться наслаждению любезнейшей для охотника музыкой. Но вдруг где-то около деревни собака скололась¹, гон прекратился, и очень скоро возвратился Трубач, очень смущённый, с опущенным хвостом, и на светлых пятнах его была кровь (мастью он жёлто-пегий в румянах).

Всякий знает, что волк не будет трогать собаку, когда

¹ Собака скололась (охотничье выражение) — потеряла след зверя.

можно всюду в поле подхватить овцу. А если не волк, то почему же Трубач в крови и в таком необычайном смущении?

Смешная мысль мне пришла в голову. Мне представилось, что из всех зайцев, столь робких всюду, нашёлся единственный в мире настоящий и действительно храбрый, которому стыдно стало бежать от собаки. «Лучше умру!» — подумал мой заяц. И, завернув себе прямо в пяту, бросился на Трубача. И когда огромный пёс увидал, что заяц бежит на него, то в ужасе бросился назад и бежал, не помня себя, чашей и обдирал до крови спину. Так заяц и пригнал ко мне Трубача.

Возможно ли это?

Нет! С человеком так могло случиться.

У зайцев так не бывает.

По той самой зелёной дорожке, где бежал русак от Трубача, я спустился из лесу на луг и тут увидел, что косцы, смеясь, оживлённо беседовали и, завидев меня, стали звать скорее к себе, как все люди зовут, когда душа переполнена и хочется облегчить её.

— Ну и дела!

— Да какие же такие дела?

— Ой-ой-ой!

И пошло, и пошло в двадцать голосов, одна и та же история, ничего не поймёшь, и только вылетает из гомона колхозного:

— Ну и дела! Ну и дела!

И вот какие это вышли дела. Молодой русак, вылетев

из лесу, покати́л по доро́ге к овина́м, и всле́д за ним выле́тел и помча́лся врастя́жку Труба́ч. Случа́лось, на чи́стом ме́сте Труба́ч у нас догоня́л и ста́рого зайца́, а мо́лодого-то догна́ть ему́ было́ о́чень ле́гко. Ру́саки лю́бят от гончи́х укрыва́ться возле́ дере́вень, в оме́тах со́ломы, в овина́х. И Труба́ч насти́г ру́сака возле́ овина́. Косцы́ ви́дели, как на повороте́ к овину́ Труба́ч раскрыв́л уже́ и па́сть свою́, что́бы схвати́ть зайчи́ка...

Труба́чу бы то́лько хвата́ть, но в́друг на него́ из овина́ вы́летает бо́льшая че́рная ку́рица — и пра́мо в глаза́ ему́. И он по́вёртывается наза́д и бе́жит. А Пи́ковая Да́ма ему́ на спи́ну — и клюёт́ и клюёт́ его́ сво́ей пи́кой.

Ну и де́ла!

И вот от́чего у же́лто-пе́гого в ру́мянах на све́тлых пятна́х бы́ла кро́вь: гонца́ раскле́вала обы́кновенная ку́рица.

ВЫСКОЧКА

Наша охотничья собака, лайка, приехала к нам с берегов Бии, и в честь этой сибирской реки так и называли мы её Бией. Но скоро эта Бия почему-то у нас превратилась в Бьюшку, Бьюшку все стали звать Вьюшкой. Мы с ней мало охотились, но она прекрасно служила у нас сторожем. Уйдёшь на охоту — и будь уверен: Вьюшка не пустит врага.

Весёлая собачка эта Вьюшка, всем нравится: ушки — как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок. Достались ей от обеда две косточки. Получая подарок, Вьюшка развернула колечко своего хвоста и опустила его вниз поленом. Это у неё означало тревогу и начало бдительности, необходимой для защиты, — известно, что

в природе на кости есть много охотников. С опущенным хвостом Вьюшка вышла на траву-мураву и занялась одной косточкой, другую же положила рядом с собой.

Тогда, откуда ни возмись, сороки — скок-скок! — и к самому носу собаки. Когда же Вьюшка повернула голову к одной — хват! — другая сорока с другой стороны — хват! — и унесла косточку.

Дело было поздней осенью, и сороки вывода этого лета были совсем взрослые. Держались они тут всем выводком, в семь штук, и от своих родителей постигли все тайны воровства. Очень быстро они оклевали украденную косточку и недолго думая собрались отнять у собаки вторую.

Говорят, что в семье не без урода, то же оказалось и в сорочьей семье. Из семи сорок одна вышла не то чтобы совсем глупенькая, а как-то с заскоком и с пыльцой в голове. Вот сейчас то же было: все шесть сорок повели правильное наступление, большим полукругом, поглядывая друг на друга, и только одна Вискочка поскакала дуром.

— Тра-та-та-та-та! — застрекотали все сороки.

Это у них значило:

«Скачи назад, скачи, как надо, как всему сорочьему обществу надо».

— Тра-ля-ля-ля-ля! — ответила Вискочка.

Это у неё значило:

«Скачите, как надо, а я — как мне самой хочется».

Так за свой страх и риск Вискочка подскакала к самой Вьюшке в том расчёте, что Вьюшка, глупая, бросится на неё, выбросит кость, она же изловчится и кость унесёт.

Вьюшка, однако, замысел Выскочки хорошо поняла и не только не бросилась на неё, но, заметив Выскочку косым глазом, освободила кость и поглядела в противоположную сторону, где правильным полукругом, как бы нехотя — скок и подумают, — наступали шесть умных сорок.

Вот это мгновение, когда Вьюшка отвернула голову, Выскочка улучила для своего нападения. Она схватила кость и даже успела повернуться в другую сторону, успела ударить по земле крыльями, поднять пыль из-под травы-муравы. И только бы ещё одно мгновение, чтобы подняться на воздух, только бы одно мгновеньишко! Вот только-только бы подняться сороке, как Вьюшка схватила её за хвост — и кость выпала...

Выскочка вырвалась, но весь радужный длинный сорочий хвост остался у Вьюшки в зубах и торчал из пасти её длинным острым кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Трудно даже вообразить, во что превращается эта блестящая, пёстрая и проворная воровка яиц, если ей оборвать хвост. Ничего сорочьего не остаётся тогда в этой птице, и ни за что в ней не узнаешь не только сороку, а и какую-нибудь птицу: это просто шарик пёстрый с головкой.

Бесхвостая Выскочка села на ближайшее дерево, все другие шесть сорок прилетели к ней. И было видно по всему сорочьему стрекотанью, по всей суеде, что нет в сорочьем быту большего сраму, как лишиться сороке хвоста.

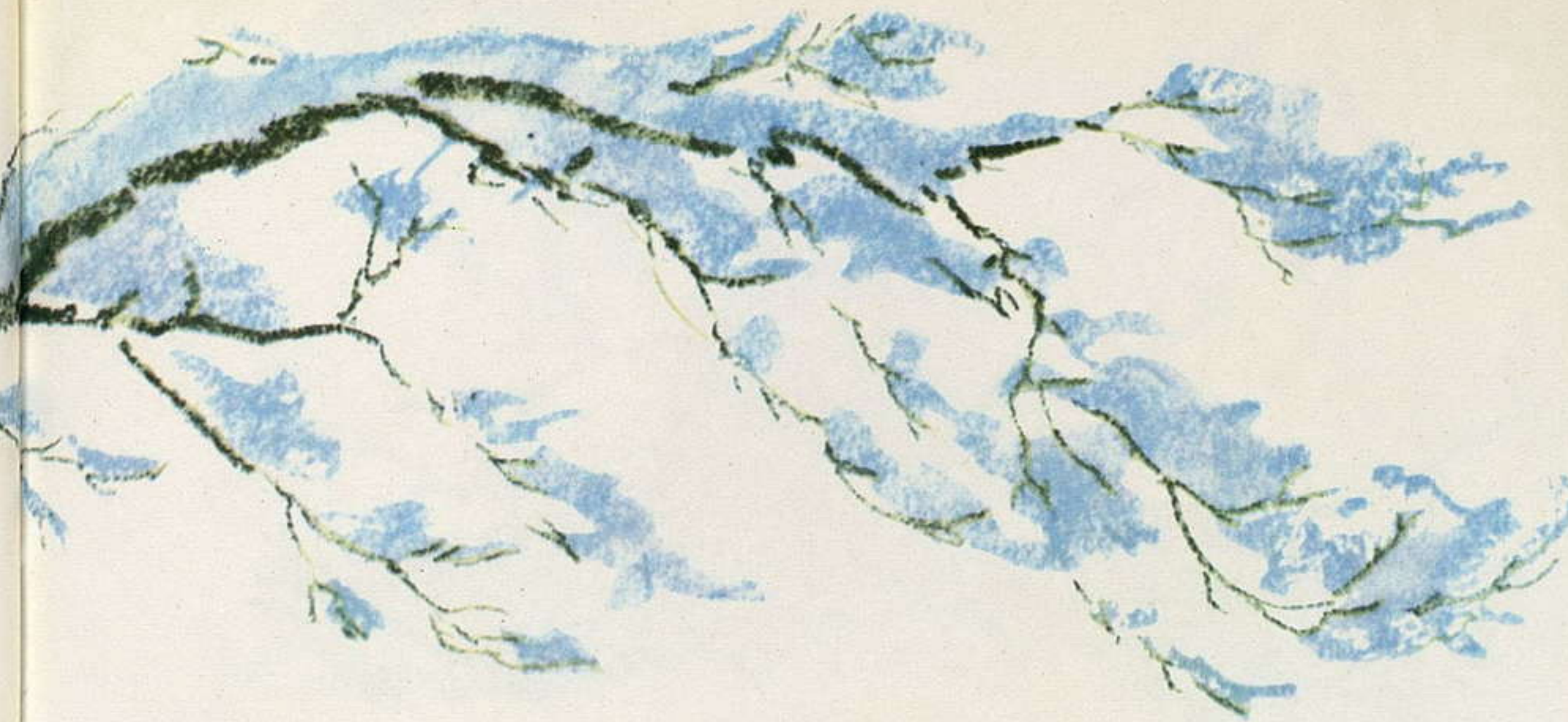

ЖАРКИЙ ЧАС

В полях тает, а в лесу ещё снег лежит нетронутый плотными подушками на земле и на ветках деревьев, и деревья стоят в снежном плену. Тонкие стволики пригнулись к земле, примёрзли и ждут с часу на час освобождения. Наконец приходит этот жаркий час, самый счастливый для неподвижных деревьев и страшный для зверей и птиц.

Пришёл жаркий час, снег незаметно подтаивает, и вот в полной лесной тишине как будто сама собой шевельнётся еловая веточка и закачается. А как раз под этой ёлкой, прикрытый её широкими ветками, спит заяц. В страхе он встаёт и прислушивается: веточка не может же сама собой шевельнуться...

Зайцу страшно, а тут на глазах его другая, третья ветка

шевелинулась и, освобождённая от снега, подпрыгнула. Заяц метнулся, побежал, опять сел столбиком и слушает: откуда беда, куда ему бежать?

И только стал на задние лапки, только оглянулся, как прыгнет вверх перед самым его носом, как выпрямится, как закачается целая берёза, как махнёт рядом ветка ёлки!

И пошло, и пошло: везде прыгают ветки, вырываясь из снежного плена, весь лес кругом шевелится, весь лес пошёл.

И мечется обезумевший заяц, и встаёт всякий зверь, и птица улетает из леса.

Гуляя сегодня с Зиной по лесу, мы набрали на старый пенёк, весь покрытый, как швейцарский сыр, дырочками. Пень казался очень прочным, и Зина моя уселась на него отдохнуть. Только села — перегородки между дырочками под её тяжестью разрушились, и пенёк под ней осел, как подушка.

— Скорей вставай! — закричал я.

Когда Зина вскочила, мы увидели, как из каждой дырочки пня выползло множество муравьёв: ноздреватый пенёк оказался сплошным муравейником и только сохранил обличье пня.

Каждый день мы ждали любимую нашу вестницу весны — трясогузку, и вот наконец и она прилетела и села на дуб и долго сидела, и я понял, что это наша трясогузка, что тут она где-нибудь и жить будет. Я теперь легко узнаю, наша это птичка, будет ли она тут с нами вблизи где-нибудь жить всё лето или полетит дальше, а тут села она лишь отдохнуть.

Вот скворец наш, когда прилетел, то нырнул прямо в своё дупло и запел; трясогузка же наша с прилёту прибежала к нам под машину. Молодая наша собачка Сват стала прилаживаться, как бы её обмануть и схватить.

С передним чёрным галстучком, в светло-сером, отлично натянутом платье, живая, насмешливая, она проходила

под самым носом Свата, делая вид, будто вовсе не замечает его. Вот он бросается на изящную птичку со всей своей собачьей страстью, но она отлично знает собачью природу и приготовлена к нападению. Она отлетает всего на несколько шагов. Тогда он, вцеливаясь в неё, опять замирает. А трясогузка глядит прямо на него, раскачивается на своих тоненьких пружинистых ножках и только что не смеётся вслух, только что не выговаривает:

«Да ты мне, милый, не сват, не брат».

И наступает иногда на Свата прямо рысцой.

Спокойная, пожилая Лада, неподвижная, замирала, как на стойке, и наблюдала игру; она не делала ни малейшей попытки вмешиваться. Игра продолжалась и час и больше. Лада следила спокойно, как и мы, за противниками. Когда птичка начинала наступать, Лада переводила свой зоркий глаз на Свата, стараясь понять, поймает он или же птичка опять покажет ему свой длинный хвост.

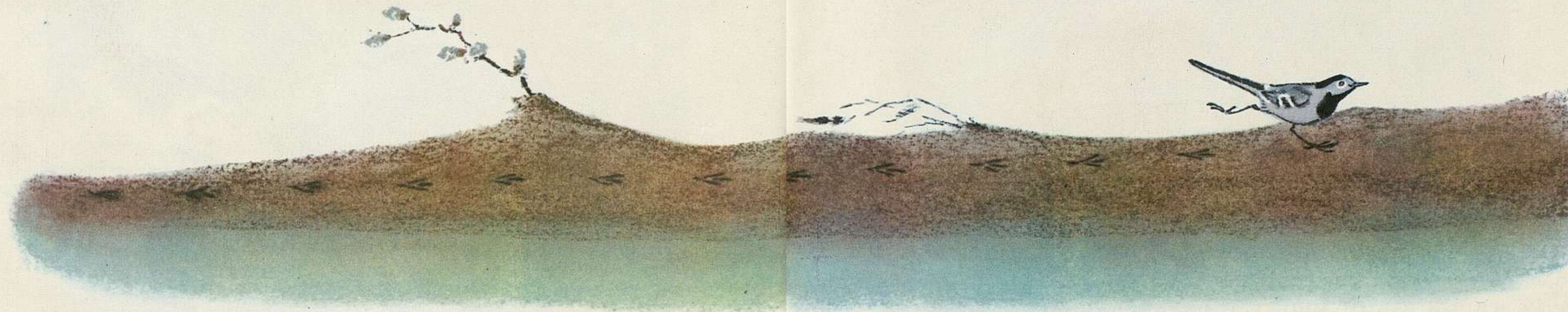
Ещё забавнее было глядеть на птичку эту, всегда весёлую, всегда дельную, когда снег с песчаного яра над рекой стал сползать. Трясогузка зачем-то бегала по песку возле самой воды. Пробежит и напишет на песке строчку своими тонкими лапками. Бежит назад, а строчка, глядишь, уже под водой. Тогда пишется новая строчка, и так почти непрерывно весь день: вода прибывает и хоронит написанное. Трудно узнать, каких жучков-паучков вылавливала наша трясогузка.

Когда вода стала убывать, песчаный берег снова открылся, на нём была целая рукопись, написанная лапкой

трясогузки, но строчки были разной ширины, и вот почему: вода прибывала медленно — и строчки были чаще; вода быстрее — и строчки шире.

Так по этой записи трясогузкиной лапки на мокром песке крутого берега можно было понять, была ли это весна дружная или движение воды ослаблялось морозами.

Очень мне хотелось снять аппаратом птичку-писателя за её работой, но не удалось. Неустанно она работает и в то же время наблюдает меня скрытым глазом. Увидит — и пересаживается подальше без всякого перерыва в работе. Не удавалось мне снять её и в сухих дровах, сложенных на берегу, где она хотела устроить себе гнёздышко. Вот однажды, когда мы за ней охотились безуспешно с фотоаппаратом, пришёл один старичок, засмеялся, глядя на нас, и говорит:

— Эх вы, мальчики, птичку не понимаете!

И велел нам скрыться, присесть за нашим штабелем дров. Не прошло десяти секунд, как любопытная трясогузка прибежала узнать, куда мы делись. Она сидела сверху над нами в двух шагах и трясла своим хвостиком в величайшем изумлении.

— Любопытная она, — сказал старичок, и в этом была вся разгадка.

Мы проделали то же самое несколько раз, приладились, спугнули, присели, навели аппарат на одну веточку, выступающую из поленницы, и не ошиблись: птичка проскакала вдоль всей поленницы и села как раз на эту веточку, а мы её сняли.

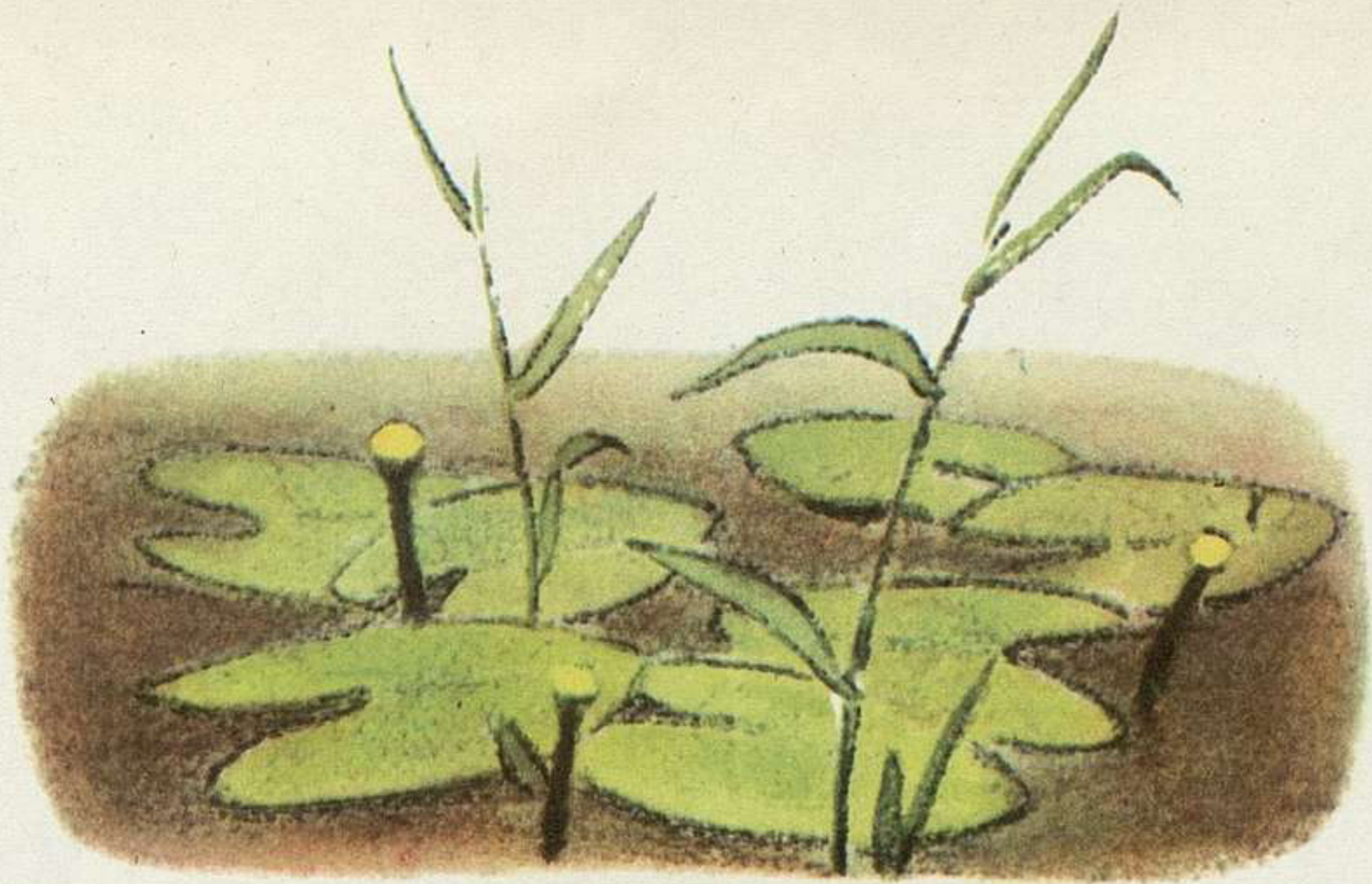
У нас молодые грачи облюбовали одно дерево и стали орать. Прилетели старые с червяками, и когда грачиха садилась, ветка от тяжести опускалась, а когда улетала, ветка поднималась и грачонок качался, как в люльке.

И вся эта ель от множества невидимых птиц шевелила своими ветками, вся, как живая.

Молодые сейчас в таком положении, что могли бы вполне летать и сами кормиться, но ещё опыта нет. И большие вполне грачи, только носы не белые, а чёрные, и сидят хорошо укрытые в глубине ёлки, а родители таскают им весь день пищу.

Самое трудное время родителям! Мать прилетает, затыкает ему рот червяком, и он не сразу, а давясь, затихает.

ВЕРХОПЛАВКИ

На воде дрожит золотая сеть солнечных зайчиков. Тёмно-синие стрекозы в тростниках и ёлочках хвоща. И у каждой стрекозы есть своя хвощовая ёлочка или тростинка: слетит — и на неё непременно возвращается.

Очумелые вороны вывели птенцов и теперь сидят, отдыхают.

Листик, самый маленький, на паутинке спустился к реке и вот крутится, вот-то крутится...

Так я еду тихо вниз по реке на своей лодочке, а лодочка у меня чуть потяжелее этого листика, сложена из пятидесяти двух палочек и обтянута парусиной. Весло к ней одно: длинная палка и на концах по лопаточке. Каждую лопаточку окунаешь попеременно с той и другой стороны.

Такая лёгкая лодочка, что не нужно никакого усилия: тронул воду лопаточкой — и она плывёт, и до того неслышно плывёт, что рыбки ничуть не боятся. Чего-чего только не увидишь, когда тихо едешь на такой лодочке по реке!

Вот грач, перелетая над рекой, капнул в воду, и эта известково-белая капля, тукнув по воде, сразу же привлекла внимание мелких рыбок — верхоплавков. В один миг вокруг грачиной капли собрался из верхоплавков настоящий базар. Заметив это сборище, крупный хищник — рыба шелеспёр — подплыл и хватать своим хвостом по воде с такой силой, что оглушённые верхоплавки перевернулись вверх животами. Они бы через минуту ожили, но шелеспёр не дурак какой-нибудь: он знает, что не так-то часто случается, чтоб грач капнул и столько дурочек собралось вокруг одной капли; хватать одну, хватать другую — много поел.

А какие успели убраться, впредь будут жить как учёные, и если сверху им капнет что-нибудь хорошее, будут в оба глядеть, не пришло бы им снизу чего-нибудь скверного.

ЛУГОВКА

(Рассказ старого лесника)

Летят по весне журавли.

Мы плуги налаживаем. В нашем краю старинная примета: в двенадцатый день после журавлей начинается пахота под яровое.

Пробежали вешние воды. Выезжаю пахать.

Наше поле лежит в виду озера. Видят меня белые чайки, слетаются. Грачи, галки — все собираются на мою борозду клевать червя. Спокойно так идут за мной во всю полосу белые и чёрные птицы, только чибис один, по-нашему, деревенскому, луговка, вот вьётся надо мной, вот кричит,

беспокоится. Самки у луговок очень рано садятся на яйца. «Где-нибудь у них тут гнездо», — подумал я.

— Чьи вы, чьи вы? — кричит чибис.

— Я-то, — отвечаю, — свойский, а ты чей? Где гулял? Что нашёл в тёплых краях?

Так я разговариваю, а лошадь вдруг покосилась и — в сторону: плуг вышел из борозды. Поглядел я туда, куда покосилась лошадь, и вижу — сидит луговка прямо на ходу у лошади. Я тронул коня, луговка слетела, и показались на земле четыре яйца. Вот ведь как у них: невитые гнёзда, чуть только поцарапано, и прямо на земле лежат яйца — чисто как на столе.

Жалко мне стало губить гнездо: безобидная птица. Поднял я плуг, обнёс и яйца не тронул.

Дома рассказываю детишкам: так и так, что пашу я, лошадь покосилась, вижу — гнездо и четыре яйца.

Жена говорит:

— Вот бы поглядеть!

— погоди, — отвечаю, — будем овёс сеять, и поглядишь.

Вскоре после того вышел я сеять овёс. Жена боронит. Когда я дошёл до гнезда, остановился. Маню жену рукой. Она лошадь окоротила, подходит.

— Ну вот, — говорю, — любопытная, смотри.

Материнское сердце известное: подивилась, пожалела, что яйца лежат беззащитно, и лошадь с бороной обвела.

Так посеял я овёс на этой полосе и половину оставил под картошку. Пришло время сажать. Глядим мы с женой на то место, где было гнездо, — нет ничего; значит, вывела.

С нами в поле картошку сажать увязался Кадошка. Вот эта собачонка бегаёт за канавой по лугу, мы не глядим на неё; жена садит, я запáхиваю. Вдруг слышим — во всё горло кричат чибисы. Глянули туда, а Кадошка, баловник, гонит по лугу четырёх чибисёнков — серенькие, длинноногие и уже с хохолками, и всё как следует, только летать не могут и бегут от Кадошки на своих на двоих. Жена узнала и кричит мне:

— Да ведь это наши!

Я кричу на Кадошку; он не слушает — гонит и гонит.

Прибегают эти чибисы к воде. Дальше бежать некуда. «Ну, — думаю, — схватит их Кадошка!» А чибисы — по воде, и не плывут, а бегут. Вот диво-то! Чик-чик-чик ножками — и на той стороне.

То ли вода ещё была холодная, то ли Кадошка ещё молод и глуп, только остановился он у воды и не может дальше. Пока он думал, мы с женой подоспели и отозвали Кадошку.

Расскажу случай, какой был со мной в голодном году. Повадился ко мне на подоконник летать желторотый молодой грачонок. Видно, сирота был. А у меня в то время хранился целый мешок гречневой крупы,—я и питался всё время гречневой кашей. Вот, бывало, прилетит грачонок, я посыплю ему крупы и спрашиваю:

— Кашки хочешь, дурашка?

Поклюёт и улетит. И так каждый день, весь месяц. Хочу я добиться, чтобы на вопрос мой: «Кашки хочешь, дурашка?», он сказал бы: «Хочу».

А он только жёлтый нос откроет и красный язык показывает.

— Ну ладно,—рассердился я и забросил ученье.

К осени случилась со мной беда: полез я за крупой в сундук, а там нет ничего. Вот как воры обчистили,—половина огурца была на тарелке, и ту унесли! Лёг я спать голодный. Всю ночь вертелся. Утром в зеркало посмотрел — лицо всё зелёное стало.

— Стук, стук!—кто-то в окошко.

На подоконнике грач долбит в стекло.

«Вот и мясо!»—явилась у меня мысль.

Открываю окно — и хватать его! А он — прыг от меня на дерево. Я — в окно за ним, к сучку. Он повыше. Я лезу. Он выше — и на самую макушку. Я туда не могу — очень качается. Он же, шельмец, смотрит на меня сверху и говорит:

— Хо-чешь каш-ки, ду-раш-ка?

РАЗГОВОР ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Занятна охота на лисиц с флагами! Обойдут лисицу, узнают её лёжку и по кустам на версту, на две вокруг спящей развешат верёвки с кумачовыми флагами. Лисица очень боится цветных флагов и запаха кумача; спугнутая, ищет выхода из страшного круга. Выход ей оставляют, и около этого места под прикрытием ёлочки ждёт её охотник.

Такая охота с флагами много добычливей, чем с гончими собаками. А эта зима была такая снежная, с таким рыхлым снегом, что собака тонула вся по уши, и гонять

лисиц с собакой стало невозможно. Однажды, измучив себя и собаку, я сказал егерю Михал Михалычу:

— Бросим собак, заведём флаги — ведь с флагами можно каждую лисицу убить.

— Как это — каждую? — спросил Михал Михалыч.

— Так, просто, — ответил я. — После пороши возьмём свежий след, обойдём, затянем круг флагами, и лисица наша.

— Это было в прежнее время, — сказал егерь. — Бывало, лисица трое суток сидит, не смеет выйти за флаги. Что лисица — волки сидели по двое суток! Теперь звери стали умнее, часто с гону прямо под флаги — и прощай.

— Я понимаю, — ответил я, — что звери матёрые, не раз уже бывшие в переделке, поумнели и уходят под флаги, но ведь таких сравнительно немного; большинство, особенно молодёжь, флагов и не видывали.

— Не видывали! Им и видеть не нужно. У них есть разговор.

— Какой такой разговор?

— Обыкновенный разговор. Бывает, ставишь капкан, зверь старый, умный побывает возле, не понравится ему — и отойдёт. А другие потом и далеко не подойдут. Ну вот, скажи, как же они узнают?

— А как ты думаешь?

— Я думаю, — ответил Михал Михалыч, — звери читают.

— Читают?

— Ну да, носом читают. Это можно и по собакам заметить. Известно, как они везде — на столбиках, на кучках,

на кустиках — оставляют свои заметки, другие потом идут и всё разбирают. Так лисица, волк постоянно читают; у нас глаза, у них нос. Второе у зверей и птиц, я считаю, голос. Летит ворон и кричит; нам хоть бы что, а лисичка навестрила ушки в кустах, спешит в поле. Ворон летит и кричит наверху, а внизу по крику вóрона во весь дух мчится лисица. Ворон спускается на пададь, и лисица уж тут как тут. Да что лисица! А разве не случалось тебе о чём-нибудь догадываться по сорочьему крику?

Мне, конечно, как всякому охотнику, приходилось пользоваться чекотанием сороки, но Михал Михалыч рассказал особенный случай. Раз у него на заячьем гону скололись собаки. Заяц вдруг будто провалился сквозь землю. Тогда, совсем в другой стороне, зачекотала сорока. Егерь, крадучись, идёт к сороке, чтобы она его не заметила. А это было зимой, когда все зайцы уже побелели; только снег весь растаял, и белые на земле стали далеко заметны. Егерь глянул под дерево, на котором чекотала сорока, и видит: белый просто лежит на зелёном мошку, и глазёнки чёрные, как две бобины, глядят...

Сорока выдала зайца, но она и человека выдаёт зайцу и всякому зверю, только бы кого ей первого заметить.

— А знаешь,— сказал Михал Михалыч,— есть маленькая жёлтая болотная овсянка. Когда выходишь в болото за утками, начинаешь тихонечко скрадывать¹. Вдруг, откуда ни возьмись, эта самая жёлтая птичка садится на тростинку впереди тебя, качается на ней и попискивает. Идёшь

¹ Скрадывать (охотничье слово) — подкрадываться.

дальше, и она перелетает на другую тростинку и всё пищит и пищит. Это она даёт знать всему болотному населению; глядишь, там утки догадались о приближении охотника и улетели, а там журавли замахали крыльями, там стали

вырываться бекасы. И всё это она, всё она. Так по-разному сказывают птицы, а звери больше читают следы.

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях — в самом низу; разные птички, вроде соловья, вьют свои гнёздышки прямо на земле; дрозды ещё повыше, на кустарниках; дупляные птицы — дятел, синички, совы — ещё повыше; на разной высоте по стволу дерева и на самом верху селятся хищники: ястребá и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскрёбах: у нас всегда можно с кем-нибудь поменяться, у них каждая порода живёт непременно в своём этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими берёзами. Это часто бывает, что берёзы дорастут до какого-то возраста и засохнут. Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниёт и всё дерево падает; у берёзы же кора не падает, эта смолистая, белая снаружи кора — берёста — бывает непроницаемым футляром для дерева, и умершее дерево долго стоит, как живое.

Даже когда и сгниёт дерево и древесина превратится в труху, отяжёлённую влагой, с виду белая берёза стоит, как живая. Но сто́ит, однако, хорошенько толкнуть такое дерево, как вдруг оно разломится всё на тяжёлые куски и падает. Валить такие деревья — занятие очень весёлое, но и опасное: куском дерева, если не увернёшься, может здорово хватить тебя по голове. Но всё-таки мы, охотники, не очень боимся, и когда попадаем к таким берёзам, то друг перед другом начинаем их рушить.

Так пришли мы к полянке с такими берёзами и обрушили довольно высокую берёзу. Падая, в воздухе она разломилась на несколько кусков, и в одном из них было дупло с гнездом гаички. Маленькие птенчики при падении дерева не пострадали, только вместе со своим гнёздышком вывалились из дупла. Голые птенцы, покрытые пёнышками¹, раскрывали широкие красные рты и, принимая нас за родителей, пищали и просили у нас червячка. Мы раскопали землю, нашли червячков, дали им перекусить; они ели, глотали и опять пищали.

Очень скоро прилетели родители, гаички-синички, с белыми пухлыми щёчками и с червячками во ртах, сели на рядом стоящих деревьях.

— Здравствуйте, дорогие! — сказали мы им. — Вышло несчастье: мы этого не хотели.

Гаички ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети.

¹ Пёнышки — зародыши перьев у птенцов.

Нас они нисколько не боялись, порхали с ветки на ветку в большой тревоге.

— Да вот же они!—показывали мы им гнездо на земле.—Вот они, прислушайтесь, как они пищат, как зовут вас!

Гаички ничего не слушали, суетились, беспокоились и не хотели спуститься вниз и выйти за пределы своего этажа.

— А может быть,—сказали мы друг другу,—они нас боятся. Давай спрячемся!—И спрятались.

Нет! Птенцы пищали, родители пищали, порхали, но вниз не спускались.

Мы догадались тогда, что у птичек не как у нас в небоскрёбах, они не могут перемениться этажами: им теперь просто кажется, что весь этаж с их птенцами исчез.

— Ой-ой-ой,—сказал мой спутник,—ну какие же вы дурачки!..

Жалко стало и смешно: такие славные и с крылышками, а понять ничего не хотят.

Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором находилось гнездо, сломили верх соседней берёзы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на какой находился разрушенный этаж. Нам недолго пришлось ждать в засаде: через несколько минут счастливые родители встретили своих птенчиков.

ФИЛИН

Ночью злой хищник филин охотится, днём прячется. Говорят, будто днём он плохо видит и оттого прячется. А по-моему, если бы он и хорошо видел, всё равно ему бы днём нельзя было никуда показаться—до того своими ночными разбоями нажил он себе много врагов.

Однажды я шёл опушкой леса. Моя небольшая охотничья собачка, породю спаниель, а по прозвищу Сват, что-то причуяла в большой куче хвороста. Долго с лаем бегал он вокруг кучи, не решаясь подлезть под неё.

— Брось!—приказал я.— Это ёж.

Так у меня собачка приучена: скажу «ёж», и Сват бросает. Но в этот раз Сват не послушался и с ожесточением бросился на кучу и ухитрился подлезть под неё.

«Наверно, ёж»,—подумал я.

И вдруг с другой стороны кучи, под которую подлез Сват, из-под неё выбегает на свет филин, ушастый и огромных размеров и с огромными кошачьими глазами.

Филин на свету — это огромное событие в птичьем мире. Бывало, в детстве приходилось попадать в тёмную комнату — чего-чего там не покажется в тёмных углах, и больше всего я боялся чёрта. Конечно, это глупости и никакого чёрта нет для человека. Но у птиц, по-моему, чёрт есть — это их ночной разбойник филин. И когда филин выскочил из-под кучи, то это было для птиц всё равно, как если бы у нас на свету чёрт показался.

Единственная ворона была, пролетала, когда филин, согнувшись, в ужасе перебежал из-под кучи под ближайшую ёлку. Ворона увидела разбойника, села на вершину этой ёлки и крикнула совсем особенным голосом:

— Кра!

До чего это удивительно у ворон! Сколько слов нужно человеку, а у них одно только «кра» — на все случаи, и в каждом случае это словечко всего только в три буквы, благодаря разным оттенкам звука, означает разное. В этом случае воронье «кра» означало, как если бы мы в ужасе крикнули:

— Чёр-р-р-р-рт!

Страшное слово прежде всего услышали ближайшие вороны и, услышав, повторили, и более отдалённые, услышав, тоже повторили, и так в один миг несметная стая, целая туча ворон с криком «Чёрт!» прилетела и облепила высокую ёлку с верхнего сучка до нижнего.

Услыхав переполох в вороньем мире, тоже со всех сторон прилетели галки чёрные с белыми глазами, сойки бурые с голубыми крыльями, ярко-жёлтые, почти золотые иволги. Места всем не хватило на ёлке, много соседних деревьев покрылось птицами, и всё новые и новые прибывали: синички, гайчики и московки, трясогузки, пеночки, зорьки и разные подкрапивнички.

В это время Сват, не понимая, что филин давно уже выскочил из-под кучи и прошмыгнул под ёлку, всё там орал и копался под кучей. Вороны и все другие птицы глядели на кучу, все они ждали Свата, чтобы он выскочил и выгнал филина из-под ёлки.

Но Сват всё возился, и нетерпеливые вороны кричали ему слово:

— Кра!

В этом случае это означало просто: «Дурак!»

И наконец, когда Сват причуял свежий след и вылетел из-под кучи и, быстро разобравшись в следах, направился к ёлке, все вороны в один общий голос опять крикнули по-нашему:

— Кра!

А по-ихнему это значило: «Правильно!»

И когда филин выбежал из-под ёлки и стал на крыло, опять вороны крикнули:

— Кра!

И это теперь значило: «Брать!»

Все вороны поднялись с дерева, вслед за воронами все галки, сойки, иволги, дрозды, вертишейки, трясогузки,

щеглы, синички, гайчики, московочки,—и все эти птицы помчались тёмной тучей за филином, и все орали одно только:

— Братъ, братъ, братъ!

Я забыл сказать, что, когда филин становился на крыло, Сват успел-таки вцепиться зубами в хвост, но филин рванулся, и Сват остался с филиновыми перьями и пухом в зубах.

Озлобленный неудачей, он помчался полем за филином и первое время бежал, не отставая от птиц.

— Правильно, правильно!—кричали ему некоторые вороны.

И так вся туча птиц скоро скрылась на горизонте, и Сват тоже исчез за перелеском. Чем всё кончилось, не знаю.

Сват вернулся ко мне только через час с филиновым пухом во рту.

И ничего не могу сказать, тот ли это пух у него остался, который взял он, когда филин на крыло становился, или же птицы доконали филина и Сват помогал им в расправе со злодеем.

Что не видал, то не видал, а врать не хочу.

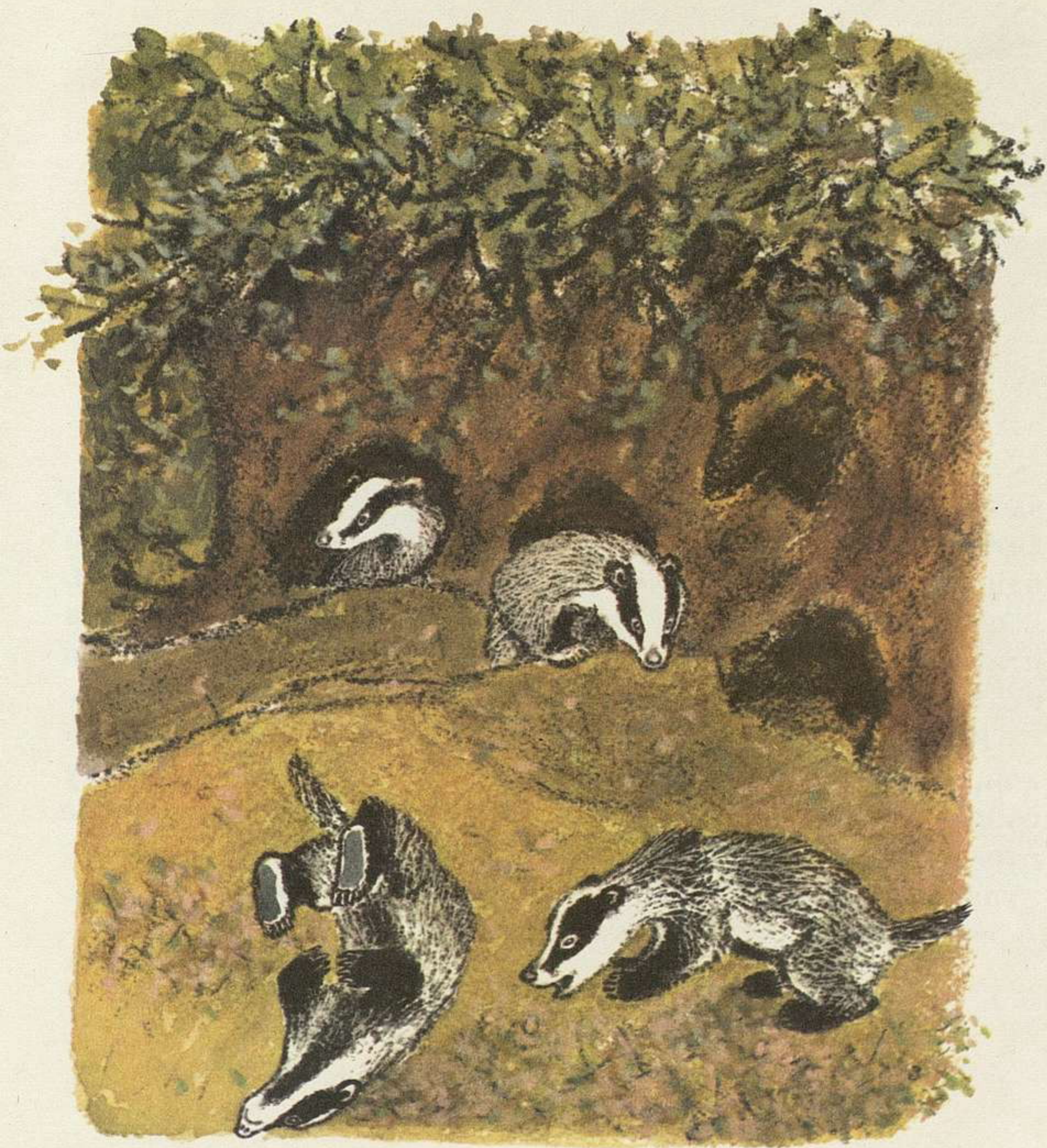
БАРСУЧЬИ НОРЫ

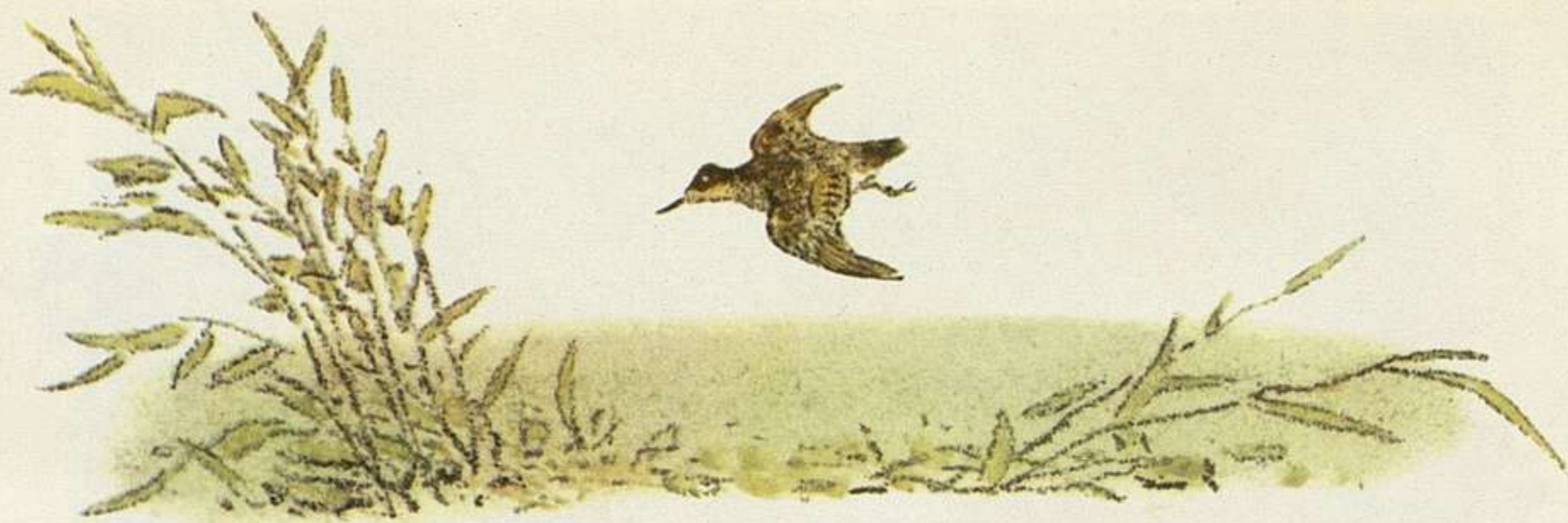
Оттого лес называется тёмным, что солнце смотрит в него сквозь вершины деревьев, как в оконце, но не всё в лесу увидит. Так, нельзя ему увидеть барсучьи норы и возле них хорошо утрамбованную песчаную площадку, где катаются молодые барсучата.

Нор тут нарыто барсуками множество. Зачем же им столько нор? А всё из-за лисы, которая любит селиться в готовых квартирках и неопрятностью своею выживает хозяев — барсуков.

Уйти бы барсукам на новое место, подальше от непрошеной гостыи. Но место замечательное, переменить не хочется: песчаный холм, со всех сторон овраги, и всё такой чащей заросло, что солнце смотрит и ничего увидеть не может в своё оконце. Вот и роют барсуки новые норки.

ОТРАЖЕНИЕ

Мы идём с Ладой — моей охотничьей собакой — вдоль небольшого озера. Вода сегодня такая тихая, что летящий кулик и его отражение в воде были совершенно одинаковы: казалось, летели нам навстречу два кулика. Весной в первую прогулку Ладе разрешается гоняться за птичками. Она заметила двух летящих куликов — летели прямо на неё, скрытую от них кустиком. Лада наметилась.

Какого она выберет себе: настоящего, летящего над водой, или его отражение в воде — оба ведь схожи между собой как две капли воды. Вот бедная Лада выбирает себе отражение и, наверное, думая, что сейчас поймает живого кулика, с высокого берега делает скачок и бухается в воду. А верхний, настоящий кулик, улетает.

ПОЛЯНКА В ЛЕСУ

Берёзки последнее своё золото ссыпают на ели и на уснувшие муравейники. Я иду по лесной тропе, и осенний лес мне становится как море, а полянка в лесу — как остров.

На этом острове стоит тесно несколько ёлок, под ними я сел отдохнуть.

У этих ёлок, оказывается, вся жизнь вверху. Там в богатстве шишек хозяйствует белка, птицы клесты и, наверно, ещё много неизвестных мне существ. Внизу же, под елями, мрачно, черно, и только видишь, как летит шелуха: это белка и клесты шелушат еловые шишки и достают себе из них вкусные семечки. Из такого семечка выросла когда-то и та высокая ель, под которой я сейчас сижу.

Это семечко занёс когда-то ветер, и оно упало под берёзой между её обнажёнными корнями.

Ёлочка стала расти, а берёза прикрывала её от ожогов солнца и морозов.

Теперь эта ель обогнала берёзу и стоит рядом с ней, вершинка к вершинке со сплетёнными корнями.

Тихо я сижу под ёлкой на середине лесной поляны. Слышу, как шепчутся, падая, осенние листики.

Этот шелест падающих листьев будит спящих под деревьями зайцев, они встают и уходят куда-то из леса.

Вот один такой вышел из густых ёлок и остановился, увидев большую полянку.

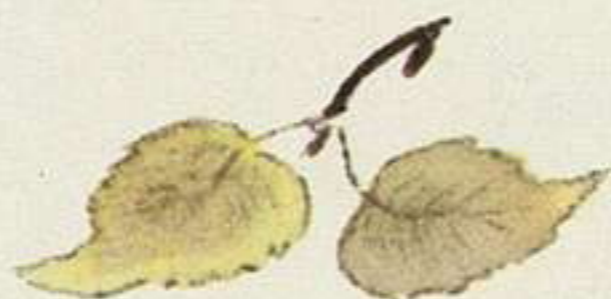
Слушает заяц, встал на задние лапки, огляделся: везде шелест, куда идти?

Не посмел идти прямо через поляну, а пошёл вокруг всей поляны, от берёзки к берёзке.

Кто боится чего-то в лесу, тот лучше не ходи, пока падают листья и шепчутся.

Слушает заяц, и всё ему кажется, будто кто-то шепчется сзади и крадётся.

Можно, конечно, и трусливому зайцу набраться храбрости и не оглядываться, но тогда как бы ему не попасть в настоящую беду: под шум листьев за ним лисица крадётся; не оглянется храбрый заяц на шелест, а тут тебя под шумок и схватит рыжая кумушка.

РЕБЯТА И УТЯТА

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решилась наконец-то перевести своих утят из леса, в обход деревни, в озеро на свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке, в болотистом лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру.

В местах, открытых для глаз человека, лисицы и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд. Вот тут их увидели ребята и зашвыряли шапками. Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или

перелётывала в разные стороны на несколько шагов в величайшем волнении. Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

— А вон сидит!— хором ответили ребята.

И указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Что вы будете делать с утятами?— строго спросил я ребят.

Они струсили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»!— сказал я очень сердито.— Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— Живо,— приказал я ребятам,— идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже и обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и

побежала к овсяному полю. За ней побежали утята — пять штук. И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеётесь, глупыши? — сказал я ребятам. — Думаете, так-то легко попасть утятам в озеро? Снимайте живо все шапки, кричите «до свиданья»!

И те же самые шапки, запылённые на дороге при ловле утят, поднялись в воздух, все разом закричали ребята:

— До свиданья, утята!

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Воронкова. Добрый писатель	6	Жаркий час	61
Гаички	9	Пень-муравейник	64
Берестяная трубочка	12	Трясогузка	65
Остров спасения	15	Живое дерево	70
Вальдшнеп	21	Верхоплавки	71
Журка	23	Луговка	75
Сват	27	Говорящий грач	79
Беличья память	32	Разговор птиц и зверей.	82
Ярик	33	Этажи леса	87
Таинственный ящик	43	Филин	93
Пиковая Дама	47	Барсучьи норы	100
Выскачка	55	Отражение	102
		Полянка в лесу	103
		Ребята и утята	107

Для младшего школьного возраста
Михаил Михайлович Пришвин
БЕРЕСТЯНАЯ ТРУБОЧКА

Сборник рассказов

Составитель Л. И. Грибова

Художник Е. М. Рачёв

ИБ № 1486

Редактор И. Н. Пестова.
Художественные редакторы Г. Г. Коптелова и Д. Пчёлкина
Технические редакторы О. Б. Кистерская и Н. Житенёва
Корректор Н. С. Пьянкова.

Сдано в набор 12.04.82. Подписано в печать 6.04.83. 84×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Балтика. Печать офсет. Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр.-отг. 41,3. Уч.-изд. л. 7,66. Тираж 150 000 экз. Изд. № 3705. Заказ № 1594. Цена 1 р. 10 к. Издательство «Малыш», Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

П 4803010102—099 99—83
М102(03)—83

© Состав, предисловие, иллюстрации. Издательство «Малыш» 1983

